

УДК 821.161.1.09 Булгаков

Чупкова О.В.

Московский областной государственный университет

МНОГОГРАННЫЙ ОБРАЗ ЛЮБВИ НА СТРАНИЦАХ РАССКАЗОВ М.А. БУЛГАКОВА

Аннотация. Литературоведческий анализ ранних рассказов М.А. Булгакова подчинён рассмотрению особенностей изображения молодым писателем чувств любви и привязанности, влияния сильных эмоций на поведение человека, на его судьбу в целом. В статье проводится сравнение художественного изображения любви с дневниковыми записями писателя, чтобы прояснить первый этап становления художника, его идеала истинной любви. Обнаружены у раннего Булгакова реминисценции из произведений русской и мировой литературы. В фокусе исследовательского внимания булгаковское понимание любви к творчеству, к женщине, к Родине, любви как страсти и любви как милосердия.

Ключевые слова: композиция, лейтмотив, антитеза, реминисценция, идея, ирония, символ, цветопись, сравнение.

O. Chupkova

Moscow State Regional University

DIVERSE PORTRAYAL OF LOVE ON THE PAGES OF STORIES BY M. BULGAKOV

Abstract. Literary analysis of the early M. Bulgakov's stories is guided by the review of young writer's peculiarities of portrayal of feelings of love and affection, peculiarities of the influence of strong emotions on human behavior, his fate as a whole. The article compares the artistic image of love with diary notes of the writer to clarify the first phase of development of the artist, his ideal of true love. Early Bulgakov demonstrates reminiscences of works of Russian and world literature. The research's attention focuses on Bulgakov's understanding love for creativity, to a woman, to the motherland, love as a passion and love as a mercy.

Keywords: composition, leitmotif, the antithesis, reminiscence, idea, irony, symbol, colouring, comparison.

Любовь является путеводной нитью, которая соединяет поколения людей. М.А. Булгаков в своём творчестве стремился показать великую силу эмоций, которые овладевают человеком, когда тот оказывается под влиянием преобразующей силы любви. Любовь для писателя – самый главный и верный спутник человека и в горе, и в радости. Она даёт не только радость и вдохновение, но и спасает в минуты страшных потрясений. Писатель поставил в центр изображение всех оттенков любви как некий внутренний нерв своего творчества. Для того чтобы отыскать в человеке что-то светлое и благородное, нужно рассмотреть всю его жизнь, поступки и стремления через призму любви. Ведь как нельзя луч-

ше человека характеризуют именно его поведение в любви, отношение к близким, тем, кого он любит или считает любимым. «Жизнь, по Булгакову, – это любовь и ненависть, отвага и азарт, умение ценить красоту и доброту. Но на самом первом месте – именно любовь», – писал В.Г. Боборыкин [1, с. 82]. Для Булгакова любовь – это постоянная готовность к самопожертвованию ради близкого человека. Например, в его первом романе «Белая гвардия» хранительница домашнего очага семьи Турбиных «золотая Елена» готова поступиться многим ради братьев.

Через все произведения Булгакова красной нитью проходит мотив возвышенной, преображающей душу истинной любви. Именно такая любовь способна творить чудеса, все изломы истории меркнут в сравнении с ней. По-прежнему злободневна мысль М. Булгакова: «Мы должны оценить человека во всей совокупности его существа, человека как человека, даже если он грешен, несимпатичен, озлоблен или заносчив. Нужно искать сердцевину, самое глубокое средоточение человеческого в этом человеке» [2, с. 243]. Только искренняя, бескорыстная и милосердная любовь делает человека человеком.

М.А. Булгаков в одном из своих ранних рассказов «Записки на манжетах» (1923) запечатлел, как происходило формирование художника, как вихрь революции закружил и перенёс его из медицины в искусство слова. Композиционно рассказ построен как дневник, который ведёт литератор, ещё только начинающий, нередко сомневающейся в себе. «Записки на манжетах» он посвящает всем, кто выбрал тернистый путь писателя: «Плаваю-

щим, путешествующим и страждущим писателям русским» [3, с. 126]. В посвящении современниками угадывалась реминисценция из романа М.А. Кузмина «Плавающие-путешествующие» (1910), главные герои которого напряжённо ищут своё место в мире. Не удивительно, что Булгаков откликнулся на роман Кузмина. Кто-то из его героев просто движется по течению, а кто-то стремится плыть против него, потому так много сложностей в судьбах Лелечки, Полины, Ираиды и их кавалеров. Основную идею романа произносит поверенный влюблённых Андрей Сток: «На всю жизнь! Сколько раз мы говорим себе и другим эту фразу, и мы не лжём, хотя знаем, что десять раз говорили то же самое по другим поводам. Мы все вечные плотники и постоянные путешественники» [6: с. 18]. Но самое страшное зло человек приносит себе сам, когда не знает, что ему действительно нужно. Позже Лелечка тоже подчёркивает эфемерность любой уверенности в жизни: «И мы ничего не строим навсегда.. Мы всегда странствуем... Мы всегда плавающие <...> Наш рулевой – любовь, о которой не может быть двух мнений» [6, с. 50]. В финале романа эти мысли проецирует на трагический фон Фортон: «Мы всегда в пути, и <...> кто оставивается, тот гибнет» [6, с. 67]. Кузмин говорит и о том, что «от случая до судьбы рукой подать, а уж когда замешана судьба, тут уж не нужно большой ловкости, чтоб вывести какие угодно роковые целесообразности» [6, с. 46]. Подобные открытия впоследствии по-своему конкретизировал в своём творчестве М.А. Булгаков.

В годы становления советской власти Булгакову пришлось немало по-

трудиться не только для того, чтобы стать писателем, но и для того, чтобы просто не умереть с голоду. «Только через страдания приходит истина... Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт...» [3, с. 135] – констатировал автор в «Записках на манжетах». Ирония, способность посмеяться не только над другими, но и над самим собой стала неотъемлемой частью творческой системы писателя. Булгаков не сдавался, он шёл к тому, чтобы высказать своё отношение к людям и своей эпохе, мобилизуя для этого традиционные и постепенно выработанные им самим законы мастерства.

Сложно было найти своё место в послереволюционной России, многие писатели эмигрировали «сквозняк подхватил. Как листья летят» [3, с. 136]. Булгакову не было суждено покинуть Родину. Сравнение эмигрантов с листьями говорит о том, что писатель испытывал сочувствие к тем, кто вынужден был оставить Родину, но презрение к тем, кто сделал это бездумно и легко. Оставшихся ждало серьёзное испытание – бюрократия, но «человек, борющийся за своё существование, способен на блестящие поступки» [3, с. 258].

Все ранние произведения писателя – это словно преддверие главного романа «Мастер и Маргарита», подготовка к осмыслению духовных начал бытия. В «Записках» прозвучало убеждение в неизбежности пути, ставшее внутренним стимулом творческого горения М.А. Булгакова: «с необычайной, чудесной ясностью, сообразил, что правы говорящие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь...

От людей скрыть. Но от самого себя – никогда! Конечно! Неизгладимо» [2, с. 276]. Позднее, в последнем романе «Мастер и Маргарита», с этой уверенностью в предначертанности призвания как будто согласен даже Воланд, хотя провоцирует при этом беспечное пренебрежение содержанием написанного: кому служит человеческое слово? Надо быть осторожным. Не те ли это слова, о которых Гумилев писал, что они «дурно пахнут»?

В своем дневнике за 1922 год «Под пятой» М.А. Булгаков писал: «Плохо то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал» [3, с. 276]. Как писатель, он постоянно сомневался в безусловной ценности своих произведений, многое из раннего творчества он вообще уничтожил, хотя призраки неудачных рассказов не оставляли его: «горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрёл себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе была причиной этого» [3, с. 281]. Другого пути для него нет: «Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним – писателем. Посмотрим же и будем учиться, будем молчать» [3, с. 284]. Терпение и вдохновение – вот удел художника.

Рядом с Булгаковым-писателем всегда была верная женщина. Каждая из них любила его и поддерживала на нелёгком фронте литературной борьбы. Любовь для писателя – необходимое условие соучастия подруги в творческом процессе: «записи под диктовку есть не самый высший, но всё же акт доверия» [3, с. 298].

Второй жене Любови Белозерской писатель посвятил свой первый роман. С ней он делился своими сомнениями

и переживаниями: «Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я не могу. Больше всего почему-то привлекло внимание мое посвящение. Так свершилось. Вот моя жена» [3, с. 301], – признавался он. Любовь Белозерская взяла на себя организационно-издательскую часть писательского дела. Как и у любого творческого человека, у Булгакова отсутствовала способность к заключению договоров, не было деловой хватки. С долей сомнения звучит в дневнике писателя откровенные слова: «один без нее, уже не мыслю. Видно, привык» [3, с. 302]. За этим признанием и ревность, и привычка, и страсть, и настроенность: «Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?» [3, с. 302]. Но его собственное сердце пребывает в живом увлечении: «Всё больше влюбляюсь в свою жену» [3, с. 304]. Однако всё его существо поглощено любовью к творчеству, к тайным пружинам изменяющейся реальности, потому так сильны фантастические и мистические мотивы в творчестве писателя, который жил в постоянном поиске истины.

У любви тысячи аспектов и великое множество проявлений. Яркому преломлению этого светлого чувства посвящён удивительно проникновенный рассказ «Псалом». Композиция произведения строится по жанровым законам лирического дневника. С помощью ярких деталей передана необыкновенная завязка. Всё начинается с сочувствия к непоседливому соседу – мальчику Славе, который приходит к писателю, чтобы рассказать о своих маленьких горестях и победах. Все ге-

рои рассказа живут ожиданием любви, хотя бы капельки счастья. Мальчик надеется на возвращение отца, писатель на то, что к нему придёт мать ребёнка и украсит его одинокую жизнь, а Вера *верит*, что её муж когда-нибудь вернётся, недаром зовут её Верою. Нельзя не вспомнить о романе Кузмина, в котором также упоминается сложность сокровенных чувств. Лаврентьев отказывается продолжать роман с непостоянной Лелечкой: «Нельзя верить, если не верится, и когда не любит, – любить трудно» [6, с. 53]. Ираида Львовна убеждена, что дело не в личной прозорливости, а в божественном даре веры: «Это такое счастье – верить людям» [6, с. 64].

Мучительное ожидание любви пронизывает стены булгаковского старого дома: «музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джерома Джерома» [3, с. 235]. Удивительная цветопись и тонкая звукопись передают мельчайшие оттенки чувств героя-повествователя. С приходом мальчика мрачная комната приобретает иной вид, множество оттенков золотого согревают одинокую душу рассказчика. В комнате становится тепло и уютно, все вещи словно приветствуют маленького гостя. Золотой цвет уже здесь предстает как символ уюта, домашнего оплота духа. Своеобразным камертоном сюжета воспринимается далеко не случайно включённое в рассказ стихотворение, которому автор научил ребёнка:

Куплю я себе туфли
К фракку и буду петь по ночам
Псалом... И заведу... себе собаку...
Ничего... как-нибудь проживём.

Можно вполне определённо прочитать здесь явную аллюзию на стихотворения И.А. Бунина «Одиночество» и «Собака». В «Одиночестве» царит уныние:

И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму...
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить [4, с. 235].

В бунинском стихотворении «Собака» речь идёт о том, что тоска – спутник человека, которого не могут удовлетворить земные блага: постоянный поиск идеала, несмотря на привязанность к человеку животного, рождает усталость и грусть:

Я человек: как бог, я обречён
Познать тоску всех стран и всех
времён [4, с. 235].

Название рассказа «Псалом» передаёт его стержневую идею: любовь – это главная ценность человека. Ему не только легче, ему радостно живётся, если звучит волшебное местоимение – «Мы».

Образ женщины создан с помощью доминирующей детали – у неё «белые руки», постоянно мокрые, потому что Вера занята стиркой и, скорее всего, этим зарабатывает на жизнь. Руки подчинены проявлению заботы, поддержки и ласки, которые так нужны ребёнку. Мать добра и отзывчива, но всё же забыта своим мужем, брошена вместе с сыном, но рядом с ней живёт любящий человек, который надеется на ответное чувство. Неустроенность героя подчёркнута одной яркой деталью – у него постоянно отрываются пуговицы, он сам, словно пуговица,

ищет своё место. «Мучительнее всего в жизни – пуговицы. Они отваливаются, как будто отгнивают. Я не умею жить с пуговицами» [3, с. 236]. То есть не складывается у повествователя личная жизнь, не получается у него найти своё счастье: «Да, я одинокий. Псалом печален. Я не умею жить» [3, с. 236]. В этой аналогии с пуговицей заметна реминисценция с драматической поэмой Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1866). Герой Ибсена больше всего на свете боялся утратить своё «Я» в привязанностях, был уверен, что человек должен всю жизнь создавать себя сам, как плавильщик пуговицу. Эта пуговица должна быть с ушком, при помощи которого можно прикрепиться к другим людям. В молодости эгоистичный Пер пытался выплавлять пуговицы из серебра и олова, но у него не получились пуговицы с ушками, и сам герой обречён на вечные скитания. Долгое время он скитался по всему миру, чтобы в итоге понять – он просто бежал от собственного счастья, от Сольвейг, которая ждала его долгие годы. Пуговичник помогает Перу понять, что жизнь равнодушного ко всем человека напрасна, необходимо переплавить неудачное создание природы. В поисках спасения герой спешит к той, которая спасает его своей безграничной, поистине материнской любовью.

Герой Булгакова стремится к Вере, он боится бесследно исчезнуть в пучине одиночества, как в котле Пуговичника. Женщина становится для повествователя его Сольвейг, способной ждать любимого и верить в него.

Неслучайно рассказ назван «Псалом». Псалом – это напоминание о высоком духовном призвании человека. Любовь писатель воспринимает

ет как изначальное, из глубины веков дошедшее до современности духовное предназначение, воспетое в Ветхом завете особенно выразительно через жанр псалмов, которые чаще всего исполнялись в единстве слова и музыки, пелись.

Вера появляется, и дверные «петли поют приятно», она зовёт домой ребёнка, но тот ждёт сказки и остаётся, тогда мать уходит, а «петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен». Одиночество липкой паутиной охватывает героя, но рядом мальчик, ребёнок требует обещанной истории, и звучит сказка. Герой-повествователь хочет мягко научить ребёнка быть добрее и не совершать плохих проступков, которыми он расстраивает мать. Мальчик засыпает, мечтая о велосипеде. Тут появляется Вера, и «петли поют...Конусы света» [3, с. 237].

Слёзы одинокой женщины, которую сосед любит, причиняют ему почти физическую боль. Одиноким холостяк хотел бы видеть её счастливой – рядом с собой. «Он очень много потерял от того, что бросил эти белые, тёплые руки. Это его дело, но я не понимаю, как же он мог Славку забыть...» [3, с. 237]. Ощущение тройного сиротства является ведущим эмоциональным фоном в рассказе.

Антитеза света и тьмы выражает внутреннюю драму каждого из персонажей: в комнате уютно и тепло, а на улице ночная мгла, которая придёт к герою в комнату, едва за Верой захлопнется дверь, и вера в лучшее снова его оставит. Любовь и нежность объединяет всех: «У Славки на шее такие же завитки, как и у вас. А у меня тоска, знаете ли» [3, с. 238]. Но герой-пове-

ствователь сознаёт, что нелюбим, вероятно, и не любит, потому вновь и вновь тяжело переживает чувство ненужности. Страсть не может заменить любви: «Что я делаю...Что вы делаете...» [3, с. 238] – шепчет Вера. Они вместе, но заглушить тоску и боль от неустраиваемости не могут: «Конусов нет. Давно замолк чайник. Мгла. Мгла. Пуговиц нет. Не куплю себе туфли к фракку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживём» [3, с. 239].

Таким образом, герой-рассказчик вынужден признать, что нет любви, вдохновляющей псалмопевцев. Любовь – не спасение от скуки, не забвение, необходимое при отсутствии тепла и участия.

Сюжет подмены любви бытом выразительно воплощён в драме Маяковского «Клоп». Продавец новейших голландских самопришивающихся пуговиц говорит собравшемуся выгодно жениться на дочке нэпманши Присыпкину: «Из-за пуговицы не стоит жениться, из-за пуговицы не стоит разводиться» [6, с. 81]. Человеку нужно стремиться к любви, а не к сытому благополучию, как это хочет сделать Присыпкин: «Не галстук к нему, а он к галстуку привязан», – говорят о новопечённом Пьере его друзья. Маяковский упомянул Булгакова в своей пьесе при зачитывании словарной статьи профессором: «Что такое буза. (Ищет в словаре). Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков...» [6, с. 107]. Итак, люди, которые хотят приспособиться, уйти от самих себя, становятся Присыпкиными, сродни клопам, которых очень трудно «развить до человеческой степени» [6, с. 108]. Любимый человек, будь то Пер Гюнт, Присыпкин, ге-

рой-рассказчик Булгакова, обездолен, если удалён от истинной любви, которая отличается кротостью, не гордится, не возносится...

Финал рассказа «Псалом» обрывается, писатель избегает событийной перспективы в изображении героев, оставляя читателя перед вопросом не только о судьбах персонажей, но и своей (читательской) состоятельности. Анализ небольшого повествования о несостоявшейся любви дает основание сделать вывод: уже ранние произведения М.А. Булгакова воплощают характерные для его зрелой прозы и драматургии мотивы, необычайно искренние проявления неутоленного интереса к внутренним импуль-

сам поступков людей, к их жизненным перипетиям, огромную потребность автора раскрыть тайны бытийного плана, а следовательно, и путей к человеческому совершенству.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боборыкин. В.Г. Михаил Булгаков. М., Просвещение, 1991.
2. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 томах. М.:1994. Т. IV. 428 с.
3. Булгаков М.А. Театральный роман. М.: АСТ. 2003. 580 с.
4. Бунин И. Стихотворения. М.: Эксмо, 2013. 256 с.
5. Кузмин М.А. Проза и эссеистика. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Аграф.1999. 560 с.
6. Маяковский В.В. Проза. Драматургия. М.: Просвещение. 1986. 174 с.